

О. Ю. Шмидт.

ОГРОМНЫЙ ФАКТОР КУЛЬТУРЫ.

(К 10-летию юбилею Государственного Издательства).

Растет культура и растет хозяйство. Книга — на перекрестке обоих. Она — и фактор культуры, и произведение промышленности. Рост советской книги — одно из самых ярких и радостных явлений нашей современности.

Известно ли нашим читателям, что в СССР книг издается больше, чем издавалось в российской империи, включая Польшу и прочие окраины? Не просто больше, а почти в двое больше: рекордным годом дореволюционной России был 1912, когда издано было 134 миллиона экземпляров книг, а в СССР, в среднем за 1925—27 гг., издавалось по 235 миллионов в год (при том же, приблизительно, среднем объеме книги).

В центре книжной продукции стоит Государственное Издательство РСФСР, которому на днях исполняется десять лет. У колыбели Госиздата стоял В. И. Ленин — это он дал Госиздату направление, это он призвал для руководства новым учреждением тов. В. В. Воровского. Трагическая смерть Вацлава Вацлавовича от белогвардейской пули сделала его имя широко известным и популярным среди трудящихся всего мира, но мало кто знает теперь, что это был один из культурнейших работников партии, талантливейший журналист, превосходный знаток литературы. Надо надеяться, что и эта сторона покойного станет широко известной, когда выйдет собрание сочинений его, подготовляемое под редакцией тов. Н. Л. Мещерякова, также одного из старейших руководителей Госиздата. Ему же поручено издать сочинения и третьего из возглавлявших Госиздат первого периода — также уже покойного И. И. Скворцова-Степанова.

В период гражданской войны Гиз сосредотачивался на агитационной литературе, которая в миллионах экземпляров распространялась, конечно, бесплатно, всеми способами, вплоть до разбрасывания из окон вагона. Эти методы пришлось изменить с переходом к нэпу. В первые годы нэпа во главе Госиздата пришлось стоять как раз мне (1921—24). Я живо помню тот момент, когда я просил благословения Владимира Ильича на восстановление платности книги и обещал, что будут найдены пути, которые и при платности сделают распространение книг отнюдь не меньшим. Хозяйственные формы

нэпа — трест на хозрасчете — оказались благоприятными для Госиздата, а начавшийся бурный рост культурных потребно-

Тов. А. Халатов, заведующий Госиздатом.

Дом книги (Москва).

стей масс обеспечивал быстрый рост книжного дела. С 777 названий в 1921 г. продукция поднялась до 2.940 в 1924 году, с тех пор рост продолжается, а в 1928, под руководством тов. А. Б. Халатова, Гиз дошел до такого рекорда, как 5.494 названий, около 80 миллионов экземпляров, 672 млн. печатных листов.

Госиздат не единственное, но главнейшее из издательств СССР. (40% продукции), определяющее всю физиономию издательского дела. Из громадного многообразия выпускаемых Гизом книг особенно интересно решение четырех задач. Во-первых — массовая книга, особенно для деревни. Наши читатели вряд ли себе представляют, насколько это трудная задача. Писать популярно вообще очень трудно, а писать для деревни

КНИГИ — ЧИТАТЕЛЮ.

В экспедиции Госиздата.

деревни умеют совсем немногие (разумеется, писать толково, а не как-нибудь). И все же Гизом уже выпущено 60 млн. экз.

ших факторов этого строительства — обеспечено в день его юбилея сочувствие широчайших масс.

Булыжник

СОРЕВНОВАНИЕ ТАЛАНТОВ.

И эти таланты только-только начинают созавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе.

Ленин.

В сущности, борьба идет за копейку. Фабрика должна обрабатывать метр ткани за шесть копеек, а обрабатывает пока за семь.

Метр белой ткани должен очищаться, краситься и сушиться, словом превращаться в синий с белым горошком маркизет или в серую с цветками фланель, на копейку дешевле.

Это и есть снижение себестоимости, да еще не на семь процентов, а на все четырнадцать.

Борьба за копейку!

Но за год Первая ситценабивная фабрика хлопчатобумажного треста выпускает 130 миллионов метров мануфактуры и нужно только несколько дней работы всех цехов фабрики, чтобы одеть целый город или небольшую республику.

Куда пойдут копейки с этих миллионов?

На цемент, на известку, на кирпичи для корпусов новых заводов. На сталь и чугун для их машин. На рельсы и шпалы для новых дорог. На турбины для электростанций.

В метре сто сантиметров. Обрезать его нельзя: будет уже не метр, а 97 или 95 сантиметров. Обработать метр надо за шесть копеек, ни в коем случае не дороже. Куда же деть седьмую лишнюю копейку? Как от нее отвязаться?

Внизу краски. Желтая, зеленая, красная, голубая. Краски и вал, который кладет свою печать на ткань и украшает ее иногда клеткой, иногда полосками, часто цветами, а то и просто кружочками или кубиками.

Вверху — широкая светлая лента готовой продукции. Лаская глаз, она тянется к потолку. Кажется, что стоишь у окна вагона и смотришь на бегущую мимо поезда полосу луга с одуванчиками, клевером и ромашкой.

Страшная расчетливость и скупость покрывают каждый метр этой поэтической материи. Раклисты — старшие рабочие печатных машин — экономят на цветах, на красках, ежечасно выгадывают гривенники и рубли и, пожалуй, обгоняют в этом искусстве самого Плюшкина.

Использованные краски сливаются в ушаты. Под руководством химиков они смешиваются и превращаются в серые или розовые и снова идут в дело.

Верх бережливости, однако, не в этом. Верх бережливости заключается в умении заказать в обрез нужное количество краски так, чтобы к концу рабочего дня ящики и бочки около машины стояли совершенно пустыми, чтобы ни один грамм из заказанного количества краски не пропал даром.

Хороший раклист всегда старается заказать краски как можно меньше и не допускает большого возврата, он прикидывает и рассчитывает, он выругает, наконец, рабочего за небрежное разливание красок. Он знает, что килограмм краски стоит двадцать, тридцать, нередко пятьдесят рублей. Ему нет смысла вводить трест в убыток.

В марте было объявлено соревнование. Лучшему раклисту обещали золотые часы и надпись на крышке, остальным рабочим печатной машины — два отреза на костюм и на брюки.

Но часы не произвели на раклистов должного впечатления.

— Ну часы. — говорили они, — ну и что же?.. Да на что они нам, у нас будильники есть... Ну их к черту!..

И работали попережнему не повышая выработки и не сокращая брака. Процент возврата краски тоже не изменялся.

О часах вспомнили только тогда, когда инженер поставил на машину № 6 новую бригаду, всю из комсомольцев. Раклиста Самолина, тоже комсомольца перебросили с другой, маленькой машины на шестую. Его выдвинули как малого, подающего надежды.

— Ну, вот что, — сказал ребятам инженер, — я вам рефераты о трудовой дисциплине читать не буду. Сами вы вызвались в ударную бригаду. В окно теперь глядеть нельзя, смотрите на вал, на ткань — нет ли загибов, правильно ли ложится рисунок — не на боку ли серп с молотом. Вы же показываете пример, милые!

И он отошел к другой бригаде, на ходу бросив:

— Краску берегите!

Через минуту с соседней машины уже кричали:

— Вот охотник нашелся!.. На часы метит... Ты, Самолин, жилетку с цепочкой купи, да брелок не забудь, а то куда будешь вешать?..

Первые дни тов. Самолин давал маленькую выработку. Он привык к двухвальной машине, а выдвижение заставило его приспособляться к четырехвальной. Потом быстро вошел в норму.

Бригада приходила во-время, работала не разгибая спины, почти без отдыха. За месяц ударники дали 8.052 куски и обогнали другие четырехвальные машины, которые давали по 7.000—7.800 кусков. За это время машина стояла только десять часов, у других бригад простоя было больше. Самолин похудел за эти дни. Машина шла полным ходом, глаза все время следили за валиком, голова была занята вычислениями, и он уставал.

ПРОЖЕКТОР

Библиотека
имени
В.И. Ленин

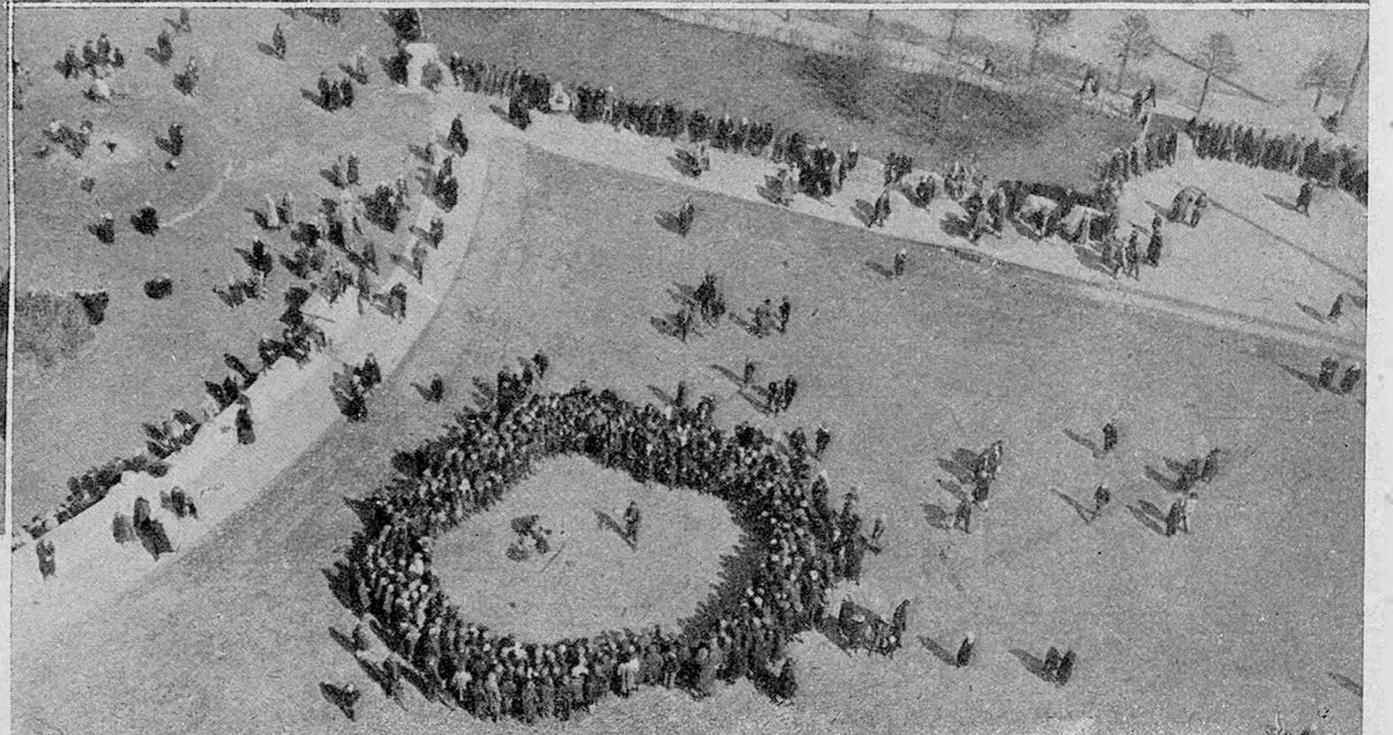
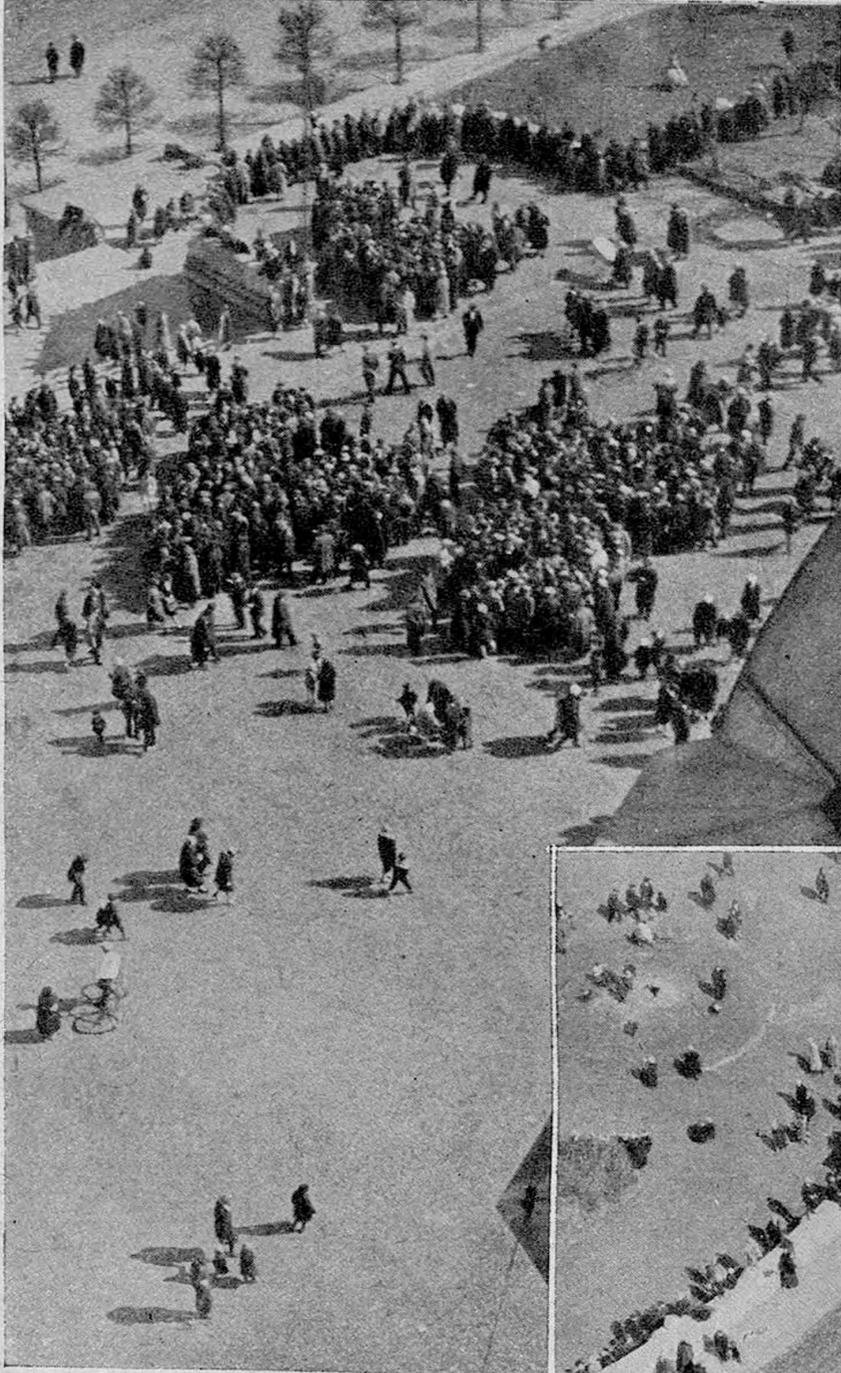
КРОВАВЫЕ ДНИ В БЕРЛИНЕ.

Германские социал-фашисты расстреливали рабочих на улицах германской столицы в первомайские дни. На снимке — берлинские полицейские разгоняют демонстрантов.

XX 41/9

№ 20 (190). 19 мая 1929 года. № 20 (190).

ПЕРВОЕ МАЯ В МОСКВЕ.

Демонстрация первого мая в Москве прошла в этом году с особой торжественностью. Около миллиона людей — рабочих и работниц, комсомольцев, пионеров и красноармейцев прошло через Красную площадь. До самого вечера улицы и площади Москвы были заполнены трудящимися. На снимках: наверху — Красная

площадь в день первого мая; ниже (справа) — парад Красной армии; слева и внизу — гуляние и антирелигиозные митинги на площади у Москва-реки.